

У русских слов есть тоже праздник свой...

Людмила Бахарева

Я не люблю слова «поэтесса». Слово «поэт» в большей степени выражает и меру таланта, и душевные, человеческие качества женщины, которая пишет настоящие стихи. Это слово я и хочу соотнести с талантом Людмилы Бахаревой, с ее силой воли, добротой, душевностью, интеллектом. Я помню Люсю Бахареву в тесной комнатке отдела поэзии на улице Цюрупы, в новом здании Центрально-Черноземного книжного издательства, в обществе писателей на областных совещаниях. Вижу я с ней и теперь, в дни ее безысходного одиночества, в четырех стенах далеко не комфортабельной квартиры. Всегда сдержанная, немногословная, полная собственного достоинства, но и отзывчивая, добросердечная, остроумная, она не терпит фальши — ни в поэзии, ни в человеческих отношениях. Будучи в течение многих лет редактором отдела поэзии, многим начинающим стихотворцам она дала путевку в творческую жизнь, наделенная не только собственным даром, но способностью замечать и ценить проблески таланта у других, приходивших к ней.

Родилась Люся Бахарева в Сталинграде 9 августа 1937 года. Отец ее, военный летчик, погиб в сентябре 1941 года. Дитя войны, она перенесла все беды и потери военного времени и голодных послевоенных лет. Строки из ее автобиографии говорят о многом: «В начале августа 1942 года мы вдвоем с бабушкой эвакуировались в город Кустанай. В заволжской степи наш эшелон бомбили...» Оттуда, из детства, стихотворения Бахаревой, написанные позже:

«Ленька. 1944» (1963), «Десантница» (1964), «Доброта» (1965), «Солдаты» (1966)... О войне писали и сейчас пишут многие. Но только стихи поэтов-фронтовиков и детей войны дышат подлинностью и трагизмом эпохи, которую им довелось пережить.

К сожалению, на наше поколение беда страны обрушилась дважды: в детстве и в старости. Двадцатилетие рубежа веков, в отличие от дней войны, полных неколебимой веры в Победу и в счастье грядущей мирной жизни, обрушилось на нас безысходностью и страданием от развала, физического и духовного обнищания еще недавно могучей державы.

Эти годы не могли не отразиться в творчестве Людмилы Бахаревой мучительными раздумьями о времени и о себе, о судьбе родины и ее духовном здоровье. Но именно на этот период пришлась зрелость таланта поэта — с горечью и ностальгией, с четкой позицией неприятия зла, стяжательства, предательства, междуусобиц. Но и с надеждой на конечную победу добра, потому что есть цветы и музыка, верность и любовь, поэзия Пушкина и Ахматовой. Подтверждение тому — ее поэтические сборники «Годы» (2004), «Время прошедшее» (2008), «Я просыпаюсь от пения птиц» (2013).

Но даже если мир свинцов, —
Где ж осени очарованье?
И легкой лиры волхвованье?
И где ж любовь — в конце концов!

Так сказала она в одном из недавних стихотворений.

Поздравляя ее с юбилеем, хочу заметить, что, кроме заботы о хлебе насущном, есть высокие в мире потребности. Именно для них создана душа дорогого мне поэта Людмилы Бахаревой.

Михаил КАМЕНЕЦКИЙ,
член Союза российских писателей

* * *

О, я узнала поневоле
тот высший миг, когда душа,
забыв о сладости и боли,
в себя приходит не спеша.

...Был час апрельско-изначальный,
и поздний вечер, и огни.
И музыка плыла печальной
(какой и надо искони).

И было ясно и легко,
и люди были далеко.

И поняла: пороку надо,
чтоб люди были там, вдали,
чтоб к ним звала меня отрада,
чтоб к ним мои надежды шли.

Но — чтобы моего молчанья
не потревожил бы никто.

И камни звездного плато
одно б безмолвье излучали.

И в безмятежности весны,
вдали от мелочной заботы,
той — одинокой — тишины
звучали б сладостные ноты.

ВЛИЯНИЕ

Влиянье СМИ, влияние Луны,
вселенных совокупное влиянье,
давление неведомой родни,
воздействие Поста и Возлиянья.

И все — на этом крошечном отрезке,
что жизнью именуют навсегда.
И никуда не денешься от резких
лучей, пронзивших дни и города.

Коль неизбежно — так бери побольше
Луны, родни, вселенского поста.
Осилишь ли? На это воля Божья,
но поневоле доживешь до ста.

* * *

И каждый год трудней, чем прошлый.
Дороже хлеб и холодней.
И не уйти уже, как прежде,
от глаз незнаемых людей.

Слабеют силы, рвется почерк —
такая выпала статья.
И лишь надежда все не хочет
смириться с логикой житья:

толкует знаки произвольно,
среди зим ласкается травой,
не понимая, как мне больно
движение стрелки часовой...

* * *

В тринадцать нам сказал слепой учитель:
— Вы «Правду» не читайте,
в «Правде» — ложь.
«Известия» читайте, но учтите:
и там порой ответа не найдешь...
Какое в школе поднялось волнение!
Кто только на уроках не бывал!

Его не посадили (воевал!),
но просто подвели под увольнение.
Но то — провинция. А вот в столице.
увидела совсем другой расклад.
И строгие учительские лица,
настроенные на особый лад.
И кибернетика, и сессия ВАСХНИЛ,
и генералы — в час перед расстрелом.
И те, кто в воркутинских шахтах гнил —
все вдруг предстало: в частности и в целом.
Что было — было.
Плакать не годится
над тем, что состоялось, что ушло.
Но, чтоб свежо познать добро и зло, —
осталось только заново родиться.

ЛЕНЬКА. 1944

На станции Елец я крала уголь.
Не для себя. Для друга.

Хотите, я вам расскажу о нем —
мальчишке в голубой девчачьей шубе,
солдатским подпоясанной ремнем, —
хотите, расскажу о нем?

Я как-то вмиг покончила с игрушками,
когда он появился вдруг в Ельце —
глазастый, с посережними веснушками
на остром дистрофическом лице.
И мы, расставшись с детскими богами,
на тот приезд бежали посмотреть:
на чемодан со впалыми боками,
на валенки, сгоревшие на треть.
И в тот нахолодавший домишко,
безлюдный три военные зимы,
я приносила бабушкины пышки,
а от себя — отменно вкусный жмых.
А после школы, под прикрытием выюги,
со станции, поймав удобный миг,
я приносила этот самый уголь
в фанерном чемоданчике для книг...

А он молчал, сцепивши пальцы туго,
и даже не смеялся, чертов сын,
когда я маленьким кусочком угля
себе чертила брови и усы.

Но вот однажды, щепок настругав,
он вдруг сказал, спокойствием пугая:
— У нас был в Ленинграде попугай.
В сорок втором мы... съели попугая.

Говорят, нас ожидает Апокалипсис.
Ну, а я пророков этих не пойму.
Потому покамест не покаялась,
не простилась, не простила никому.

Но пока не наступило это страшное,
надо нынче многое решить.
И судьбину ни о чем не спрашивая,
дай нам Бог немного погрешить.

Не спеши! Наступит не сегодня
судный день. Не кайся и не мсти.
А сейчас, чтобы дышать свободней,
ты, на всякий случай, всех прости.

* * *

Не осуждай своих детей —
они врожденные страдальцы
за нас, отцов и матерей,
за тех, кто был и будет дальше.

Не осуждай.
Но лишь взгляни:
мы в них вложили столько фальши,
что не избыть в живые дни,
и даже в те, что были раньше.

Не осуждай!
Ведь что вокруг?
Родные ветви зеленеют.
А зеркала твои, мой друг,
с годами все-таки мутнеют.

Не осуждай!
Так краток час
неуловимого общенья!
И жизни, приютившей нас,
так незаметно сокращение...

НЕ ПОЛЕНИЛАСЬ — СОСЧИТАЛА

А в этих красных фолиантах,
где все Герои СССР,
всех больше — старших лейтенантов,
всем прочим званиям в пример.
Как жалко молодости их,
сгоревших в небе или в поле!

И даже самый лучший стих
не передаст последней боли.

На первых месяцах войны
отец погиб, не став Героем.
В том вовсе нет его вины, —
наверно, так уж мир устроен.
Он не был обойден талантом,
он жил, как все, мечту тая.
Но был он старшим лейтенантом.
В том гордость тихая моя.

НОЧЬ

День — блаженство. Ночь — темна.
Я ее одолеваю,
в краски жизни одеваю,
сидя у телеокна.

Ночь — длинна. Длинней разлук.
В ней — широты и долготы,
високосные все годы.
Ночь объять — не хватит рук.

Ночь — тревожна. Шорох слышится,
воздыхание половиц.
И порой совсем не дышится —
в окруженьи чьих-то лиц.

В недрах темного ландшафта
даже воздух незнаком:
словно я — в старинной шахте
надрываюсь с обушком.

Вот прожектор в небе шарит.
Вспоминается война...
Где-то в дальнем полушарье
у кого-то — «ночь нежна».

* * *

Неужто в зеркале миров одно лишь зло отражено?
И нам из всех земных даров одно страданье суждено?
Но если даже мир свинцов, — где ж осени очарованье?
И легкой лиры волхованье?
И где ж любовь — в конце концов?!

Твой стих... Он — враг витийствующих стилей.
Он — первый друг бедняцкой прямоты.
Метафоры — они лишь упростили б
соединенье яви и мечты.

Сравнения — они для новобранцев,
кто в простоте не молвит и словца.
Им кажется, что в тридевятых царствах
вся правда обнажится до конца.

Когда бы так!
Но правда тем сильна,
что ярких царств не требует она.

* * *

Ах, как вкусно звучат под ногами
травы росные по утрам!
И душа — как будто нагая:
ни комедий тебе, ни драм.

А потом в автобусе мчусь я,
молчаливая, у окна.
И какое-то новое чувство
порождает моя тишина.

Пролетаю сосняк и осинник —
этот русский пейзаж без прикрас.
И глаза холодеют от синих,
от чужих непроставшихся глаз.

АВГУСТ

Неделя августовских персеид —
падение звезд в созвездии Персея.
Срединный август тем и знаменит,
что звезды оставляют свой зенит,
над девятью планетами рассеясь.
И это суховатое тепло,
вдыхаемое яркими ночами,
и это солнце — будто сквозь стекло,
и дней моих спокойное начало —
мое рождение — это времена
моей страды, моей большой путины.
И ультразвуки издает струна
нагретой предосенней паутины.